

Гончарова Т. А.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА ЭТНОДИСПЕРСНЫМИ ГРУППАМИ (НА ПРИМЕРЕ СЛАВЯНСКИХ ДИАСПОР ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Рассматривается проблема сохранения родного языка славянскими диаспорами Томской области. Выявляются факторы, определяющие процесс сохранения / утраты родного языка. Исследование показало, что родной язык славянскими диаспорами был значительно утрачен в первые десятилетия после переселения в Сибирь в процессе этнокультурной адаптации. Поддержку национальных языков обеспечивали однонациональные поселения, национальные школы, религиозная жизнь, приток новых мигрантов. Следовательно, отсутствие этих факторов серьезным образом сузили сферу коммуникации на родном языке, что постепенно привело его к значительной утрате. Среди изучаемых диаспор наиболее низкий уровень владения языком оказался у поляков. На современном этапе не наблюдается ожидаемого интереса к изучению родного языка у этнодисперсных групп.

Ключевые слова: *родной язык, диаспоры, белорусы, поляки, украинцы, Томская область.*

Проблема сохранения родного языка на новой родине для переселенческих групп является одной из ключевых. Условия для его поддержания значительно отличаются на разных исторических этапах, и зависят от многих факторов, таких как государственная политика, деятельность национальной интеллигенции, установка самой этнодисперсной группы. Неотъемлемой частью населения современной Томской области являются славянские диаспоры – белорусская, польская и украинская, чьи национальные языки с разной интенсивностью звучат в этноязыковом многоголосии региона уже не одно столетие.

Вопросы, связанные с функционированием национальных языков на советском и постсоветском пространстве, достаточно широко освещены в научной литературе (Губогло, 1984; Алпатов, 2000). Однако долгие годы более пристальное внимание было к титульным языкам и языкам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В последние десятилетия внимание исследователей все больше стали привлекать родные языки этнодисперсных групп (Лоткин, 1996; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2002). В научных публикациях нашли отражение и отдельные аспекты вопроса сохранения родного языка славянскими диаспорами в Сибири. Специалисты обратили внимание на один из ключевых факторов сохранения родного языка – национальное образование. Так, в центре внимания оказались вопросы его формирования в конце XIX – первые десятилетия XX в. и роль общественных организаций в этом процессе (Нам, 2009), а также национальное образование в 1920–30-е гг. (Лукиева, 2005). На томском материале рассмотрены современные проблемы преподавания национальных языков – польского (Абинова, 1999; Гузеева, 2012), украинского (Бабута, 2009; Макаревич, 2011). Вопросы функционирования белорусского языка в Томской области поднимались, как в работах филологов (Охолина, 1999), так и этнологов (Гончарова, 2014).

Как мы видим, в изучении славянских диаспор томского региона внимание исследователей привлекли ключевые с точки зрения сохранения национальных языков периоды – первая треть XX в. и 1990–2000-е гг. Исследование охватывает XX – начало XXI в., включая ранее остававшиеся за рамками десятилетия, а обращение к трем славянским диаспорам томского региона – белорусской, польской и украинской – придает ему сравнительный характер, что и определяет научную новизну данной работы. В исследовании стоит задача выявления как можно большего числа факторов, влияющих на процесс сохранения / утраты родного языка.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Славянские диаспоры г. Томска в историко-этнографическом аспекте», проект № 15-11-70001.

Основу источниковой базы исследования составили материалы переписей населения 1926, 1959, 1979, 1989 и 2010 гг. Для изучения языковой ситуации привлекались статистические данные об уровне владения родным языком. Использование идентичной формулировки о родном языке при проведении переписей разных лет позволяет проанализировать ситуацию в XX – начале XXI в. Отдельно стоит оговорить использование материалов переписи 1926 г. по Томскому округу, границы которого превышали территорию современной Томской области. Эти сведения дают общее представление о ситуации в изучаемом регионе в тот период, и служат отправными для последующего анализа.

Билингвизм среди переселенцев стал распространяться практически сразу по приезду в Сибирь. И даже ссыльные поляки, для которых было характерно явное дистанцирование от сибиряков (Кальмина, 2008: 199), сохранили свой язык, но, как отмечали еще современники, не смогли обучить ему своих детей, жен и друзей (Мулина, 2011: 362). Ведущие специалисты сходятся во мнении, что уже в первом-втором поколении переселенцы переходили на русский язык. Так, Е. Ф. Фурсова считает, что переселенцы из Украины, попав в русскую среду, уже во втором поколении говорили по-русски, хотя особенности украинского говора сразу «выдавали» их среди остального населения (Фурсова, 2004: 12). По мнению, Г. В. Любимовой, белорусы, как и украинцы, в первом-втором поколении в Сибири переходили на русский язык (Любимова, 2002: 158). Полевые этнографические материалы изобилуют высказывания примерно следующего содержания: «с земляками общались на родном языке, с местными – на русском» (Полевые материалы автора, Б. г.).

Первые статистические сведения о владении родным языком относятся к середине 1920-х гг. По данным переписи 1926 г., в Томском округе родным языком владели 26% белорусов, 30% поляков и 38% украинцев. В Томске более высокий показатель владения языком по сравнению со среднестатистическим по округу был у поляков – 41%, в то время как у украинцев и белорусов – ниже (29 и 11% соответственно) (Всесоюзная перепись населения, 1928: 75, 76).

В переписных материалах содержатся сведения регионального уровня, не позволяющие увидеть ситуацию непосредственно в местах компактного проживания этнодисперсных групп. В архивных документах удалось обнаружить сведения по украинской деревне Новорождественка, основанной украинцами в 1886 г. и не только сохранившейся до сегодняшнего дня, но и являющейся сельским центром украинской жизни в Томской области. Материалы относятся к 1920 г., т.е. с момента переселения жителей этой деревни в Сибирь прошло 35 лет. Так, в регистрационных документах содержались следующие пункты: «родной язык», «грамотность (умеет ли читать и писать по-русски)», «грамотность на другом языке и каком именно». Во всех анкетах в качестве родного языка указан русский, и грамотность только на русском языке. Сведения о себе оставила значительная часть жителей этого села (Материалы о работе отдела заключения актов гражданского состояния, 1920: 136–194об.).

Итак, предполагая, что при переселении в Сибирь большинство переселенцев владели родным языком, мы видим заметную его утрату в первые десятилетия пребывания на новом месте. Безусловно, главная причина этого связана с процессом адаптации в новой этнокультурной среде, которая неизбежно сопровождается освоением языка окружающего этнического большинства – русских. Как отмечают исследователи, зачастую переселенцы сами не стремились обучать родному языку своих детей (Любимова, 2002: 158).

Еще одна причина быстрого отказа белорусов и украинцев от родного языка, очевидно, связана с особенностями их этнолингвистического самосознания. По мнению В. М. Алпатова, одним из факторов утраты стало представление о белорусском и украинском языках как о «деревенских» и недостаточно престижных вариантах русского (Алпатов, 2000: 118–119).

Так, раскрывая особенности этнической самоидентификации белорусского крестьянина, С. М. Токмь подчеркивает, что крестьянин называл себя мужиком-хлеборобом и осознавал тот

факт, что находится на самой низкой ступеньке социальной лестницы того общества, в котором живет. Важнейшим критерием этой социально-сословной идентификации являлся язык крестьян, который сами деревенские жители чаще называли простым. Нужно отметить, что белорусское деревенское общество было обществом многоязычным. Паны разговаривали на польском или панском языке, евреи на идиш, в костеле и церкви сельчане слышали латинский и церковнославянский язык. Каждый из этих языков занимал в этом здешнем мире свое, отведенное ей место (Токмь, 2006). Очевидно, эта установка на иерархичность в восприятии этнического и языкового пространства была перенесена и на сибирское сообщество.

Также на утрате национального языка сказалась особая близость украинской и белорусской культуры с русской и слишком большое сходство языков, при котором в условиях двуязычия трудно сохранить полное владение двумя системами, не смешивая их (Алпатов, 2000: 118–119). На фактор близости белорусского и русского языков обратила внимание и томский филолог Н. М. Охолина. Она отметила, что лексика почти идентична русскоязычной, отличия наблюдаются в фонетике, в произношении. Не случайно белорусы иногда говорили: «Да мы такие же русские, только наш язык – от топора, неправильный» (Говорова, 2007: 15).

Несмотря на значительную долю утративших родной язык, примерно треть членов изучаемых диаспор смогла его сохранить. В обозначенный период можно выделить несколько факторов, благодаря которым национальные языки продолжали функционировать. Так, важнейшей формой поддержания родного языка является внутриэтническая коммуникация, которая в тот период обеспечивалась за счет создаваемых при заселении однонациональных поселений. Так, в середине 1920-х гг. в границах современной Томской области насчитывалось около 60 белорусских, 50 польских и 30 украинских поселений. Среди них были как хутора, на которых проживали отдельные семьи, так и крупные села с численностью до 600 чел. (Список населенных мест Сибирского края, 1929: 12–198).

Гораздо сложнее внутриэтнические контакты поддерживать в городской среде. В этой связи исследователями польской диаспоры было отмечено, что на рубеже XIX – XX вв. польские крестьяне имели больше шансов сохранить свой язык и обычаи, чем их соплеменники из рабочих и интеллигенции, проживавшие в сибирских городах (Островский, 2001: 123). Этот вывод можно с уверенностью применить и к другим национальным меньшинствам.

Однако именно городские общины, в которых повседневные контакты не столько активны, уже на начальной стадии адаптации демонстрируют различные формы самоорганизации и этнического самовыражения, что также позволяло поддерживать внутриэтническую связь, и сохранять язык. Как отмечают исследователи, деятельность общественных польских организаций в конце XIX в. способствовала расширению сферы функционирования польского языка и культуры (Мулина, 2011: 362). Кроме того, на рубеже XIX – XX вв. томичам были представлены разнообразные культурные мероприятия на национальных языках, в том числе на польском и украинском (Кутилова, Нам, Наумова, Сафонов, 1999). Среди изучаемых диаспор исключением стала белорусская, члены которой не проявляли общественной активности, следствием чего можно считать отсутствие мероприятий на белорусском языке.

Именно в городах появились национальные школы, ставшие важнейшим фактором сохранения родного языка. Первыми к этой проблеме обратились поляки. В начале XX в. по инициативе римско-католических благотворительных обществ и костелов в крупных сибирских городах, в том числе и в Томске, стали создавать школы. В годы Первой мировой войны в связи с массовым притоком беженцев из прифронтовых губерний в Сибири стали создаваться школы для детей беженцев. Осенью 1915 г. в Томске для детей беженцев-поляков было открыто низшее частное училище с правом преподавания родного языка. Летом 1916 г. для польских детей была организована летняя колония в окрестностях Томска (д. Заварзино) (Нам, 2009: 111–112).

Мощный импульс для политической и общественной активности, в том числе и по вопросам сохранения национальной культуры и языка, дала Февральская революция. Вопрос о

создании национальных школ активно обсуждался различными политическими и общественными организациями национальных меньшинств. После установления советской власти сохранение национальных языков стал одним из направлений национальной политики. В 1920-е гг. в стране начались процессы коренизации, направленные, в том числе, и на поддержку национальных языков у этнодисперсных групп. 1920–30-е гг. стали временем организации и функционирования национальных школ. В начале 1920-х гг. в Томске действовала белорусско-литовская школа и две польские школы. Национальные школы располагались и в местах компактного проживания национальных меньшинств в сельской местности. В 1920-е гг. белорусские школы появились в Михайловке, Петровске, Константиновке, Ломовицких хуторах (Ломовицке). В Петровске также имелась школа колхозной молодежи. Польские школы действовали в Полозово, Белостоке, Польской Малиновке. Украинские школы располагались в Колбино, Украинке, Чесноках (Бороковке). Преподавание на украинском языке велось и в школе с. Новорождественское.

Однако, как мы видели, открытие национальных школ уже проходило в ситуации значительной утраты родного языка. После свертывания мероприятий по коренизации в 1930-х гг. вопрос поддержки национального языка был отложен на долгие годы.

Сохранению родного языка у поляков способствовала религиозная жизнь, поскольку богослужение в костелы в те годы велось, как на польском языке, так и латыни. В 1920-е гг., несмотря на атеизм как государственную идеологию, религиозные заведения продолжали функционировать, и лишь с закрытием костела в Томске в 1938 г. прервался привычный ритм конфессиональной жизни.

Согласно данным переписи, в 1959 г. в Томской области родным языком владели 61% украинцев, 39% белорусов, 9% поляков (Национальный состав населения Томской области, 1959: 15). Даже приняв во внимание механическое уменьшение численности изучаемых диаспор за счет изменившихся границ области, очевидно значительное повышение показателя у украинцев и резкое снижение у поляков по сравнению с показателями 1926 г.

В течение 1960–70-х гг. произошло падение уровня владения языком у всех этнодисперсных групп: у украинцев с 61 до 38 %, белорусов с 39 до 11 %, у поляков с 9 до 0 (Численность и национальный состав населения Томской области, 1990: 56, 60).

Сокращение доли владеющих родным языком в этот период можно объяснить ликвидацией мест компактного проживания. Исследователи сходятся во мнении, что компактность проживания служит важным обстоятельством, обеспечивающим стабильные внутриэтнические контакты и естественный механизм трансляции этнической культуры и языка. Так, А. А. Сусоколов обращает внимание именно на мезоуровень структурной организации этноса. Он подчеркивает, что выполнение этносом своих информационных функций возможно лишь тогда, когда он состоит из устойчивых субобщностей, основанных на непосредственном межличностном общении, каждая из которых, во-первых, обеспечивает межпоколенную трансмиссию «ядра» этнической культуры, во-вторых, осуществляет связь с другими общностями того же иерархического уровня и тем самым поддерживает единство этноса как сложной социальной системы (Сусоколов, 1990: 21–22). В качестве группы, способной относительно самостоятельно воспроизводить этнические традиции, Э. А. Паин также называет первичную территориальную общность (Паин, 1987: 23), т.е. жителей отдельных населенных пунктов или системы населенных пунктов, если речь идет о небольших сельских поселениях.

В советский период, по крайней мере, два мероприятия серьезным образом повлияли на территориальную локализацию этнодисперсных групп. Первое – ликвидация хуторских поселений в годы коллективизации, второе – мероприятия по укрупнению колхозов, начавшиеся в 1950-е гг., в результате которых было уничтожено большинство одноподнациональных поселений.

За межпереписной период с 1979 по 1989 г. уровень владения родным языком практически не изменился: белорусы – 11% (1979 г.) и 12% (1989 г.), украинцы – 38% (1979 г.) и 41% (1989 г.), поляки – 0. Вероятно, эту тенденцию у белорусов и украинцев можно объяснить

притоком в регион представителей этих национальностей, о чем свидетельствует рост их численности в регионе. Так, в 1979 г. в области проживало 7755 белорусов, а 1989 г. – 9135, украинцев 20225 чел. и 25799 чел. соответственно. У поляков нулевые показатели отмечались на фоне постепенного снижения численности: 1979 г. – 1987 чел., 1989 г. – 1732 чел. (Численность и национальный состав населения Томской области, 1990: 56, 60).

Этнический ренессанс 1990-х гг. дал новый импульс вопросу сохранения и возрождения родных языков национальных меньшинств. Национально-культурные центры сделали его одним из направлений работы. Современная ситуация с преподаванием славянских языков в регионе выглядит следующим образом. Курсы польского языка действуют в Центре польского языка и культуры при ТГПУ, в «Центре польской культуры “Дом польский” в Томске». Преподавание польского языка ведется в школе № 16. В начале 1990-х гг. польский язык начали преподавать и в школе с. Белосток. В школе № 16 также преподают украинский язык. К сожалению, пока не удалось внедрить в образовательное пространство белорусский язык.

Как мы видим, наиболее благоприятная ситуация с преподаванием родного языка в регионе отмечается у польской диаспоры. Представители польской национальной интеллигенции полагали, что в Томске будет создана благоприятная основа для организации системы польского национального образования, что, в свою очередь, обеспечит подготовку специалистов, которые впоследствии могли бы стать ведущим звеном единой цепи национально-культурного воспроизводства поляков не только в Томской области, но и во всем сибирском регионе (Гузеева, 2012: 30).

Очевидно, что преподавание польского языка, активная работа польских национальных центров принесли свои плоды. Переписью 2010 г. был зафиксирован пусть невысокий, но положительный показатель владения родным – 5% (Национальный состав и владение языками, 2013: 66), в отличие от 1970–1980-х гг., когда он был нулевым. Однако ожидаемого увеличения численности поляков все-таки не произошло: 1989 г. – 1732 чел., 2002 г. – 1307 чел., 2010 г. – 750 чел. (Численность и национальный состав населения Томской области, 1990: 44; Национальный состав муниципальных образований Томской области, 2004: 5; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Томской области, 2013: 66).

Также небольшое повышение владеющих родным языком наметилось у белорусов: 12% в 1989 г. и 18% в 2010 г. (Национальный состав и владение языками, 2013: 63). Причем отмеченный рост наблюдается при отсутствии преподавания белорусского языка в регионе и стабильном снижении численности (1989 г. – 9135 чел., 2002 г. – 5294 чел., 2010 г. – 3336 чел.) (Численность и национальный состав населения Томской области, 1990: 41; Национальный состав муниципальных образований Томской области, 2004: 3; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Томской области, 2013: 63). Очевидно, свою роль сыграла деятельность белорусского национального центра, который не только проводит внутренние мероприятия, но и играет заметную роль в культурной жизни Томска и области.

У томских украинцев, несмотря на преподавание украинского языка и деятельность национального центра, наблюдается снижение доли владеющих родным языком. За период с 1989 по 2010 г. этот показатель упал с 41 до 32% (Национальный состав и владение языками, 2013: 67).

Стоит отметить, что ожидаемого интереса к изучению родного языка у этнодисперсных групп не наблюдается. Причины этого уже обсуждались в научной литературе. Так, В. М. Алпатов сравнивает 1990-е гг. и 1920-е гг., когда, напомним, большое внимание уделялось национальным языкам, и отмечает, что образовались «ножницы» между находящимися официальную поддержку стремлениями национально ориентированной интеллигенции, думающей о потребностях идентичности, и настроениями массы, для которой главной оказывалась потребность взаимопонимания. Кроме того, в 1990-е гг. появилась еще одна проблема, которой не было в 1920–30-х гг. Тогда большинство нацменьшинств не знали даже грамоты, стихийно преобладали национально-культурные традиции. В 1990-е гг. люди уже в большинстве имели

среднее образование, но и приобретена русская культура, основанная на русском языке (Алпатов, 2000: 156).

Однако сегодня появились новые причины для изучения отдельных национальных языков, в данном случае речь идет о польском. Изучение польского языка сегодня становится популярным в студенческой среде, поскольку дает возможность принять участие в различных академических программах в Польше.

Итак, ситуация с уровнем владения родным языком по отдельным славянским диаспорам Томской области в XX – начале XXI в. выглядит следующим образом. Согласно данным переписи 1926 г. в Томском округе, 26% белорусов владели родным языком. В конце 1950-х гг. в Томской области на белорусском языке говорило 39% белорусов. К 1979 г. этот показатель снизился до 11%, и практически не изменился в следующее десятилетие – 12% (1989 г.). В 2010 г. было зафиксировано небольшое повышение – 18%.

В 1926 г. в Томском округе 30% поляков владели родным языком. В 1959 г. в Томской области на польском говорило 9%. Переписи 1979 и 1989 гг. зафиксировали нулевые показатели. В 2010 г. около 5% поляков владеют родным языком.

В 1926 г. 38% украинцев, проживавших в Томском округе, говорило на родном языке. В 1959 г. в Томской области 61% украинцев владел родным языком. Во второй половине XX – начале XXI в. наблюдалось постепенное снижение этого показателя: 1979 г. – 38%, 1989 г. – 41%, 2010 г. – 32%.

Как мы видим, родной язык славянскими диаспорами был значительно утрачен в первые десятилетия после переселения в Сибирь в процессе этнокультурной адаптации. Необходимость интеграции в русскоязычную среду оказалась важнее сохранения языка. Выявить все причины утраты родных языков на разных исторических этапах у изучаемых диаспор довольно сложно. Зачастую одни и те же факторы по-разному влияли на конкретные диаспоры. Бесспорно, что однонациональные поселения, национальные школы, религиозная жизнь, приток новых мигрантов обеспечивали поддержку национальных языков. Следовательно, отсутствие этих факторов серьезным образом сузили сферу коммуникации на родном языке, что постепенно привело его к значительной утрате. Среди изучаемых диаспор наиболее низкий уровень владения языком оказался у поляков. Сегодня на смену ограниченным возможностям пришла новая ситуация: языковые курсы, литература на национальных языках, коммуникация на родном языке в национальных центрах. Однако большего интереса к изучению родного языка у славянских диаспор не наблюдается. По-прежнему главным побудительным мотивом сохранения родного языка является его востребованность.

Список источников и литературы

- Абинова Н. М. Из опыта работы Заозерного архитектурно-художественного лицея г. Томска в преподавании польского языка // Сибирская Полония: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов (статей и тезисов). – Томск: [Б. и.], 1999. – С. 176–178.
- Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского. – М.: Крафт+; Ин-т востоковедения РАН, 2000. – 224 с.
- Бабута М. Н. Культурная деятельность украинцев в Томской области // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник статей Международной научно-методической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. – С. 13–16.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. VI: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. – Отдел. 1. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 389 с.
- Говорова Л. Почему томские белорусы не сохранили свой язык? Интервью с Н. М. Охолиной, к.ф.н., доцентом ТГПУ // Томск – Беларусь. Навстречу Первому международному фестивалю белорусской культуры «Радзіма мая – Беларусь». – Томск: [Б. и.], 2007. – С. 15.
- Гончарова Т. А. Белорусский язык в этнокультурном пространстве Томской области // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2014. – № 41. – S. 143–153.

- Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
- Гузеева А. В. Томская Полония: сохранение национальных традиций в общественной, культурной жизни, семье и образовании: история и современность // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Международной научной конференции (г. Томск, 3–5 июня 2012 г.). – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. – С. 25–31.
- Кальмина Л. В. Конфессиональные меньшинства Сибири на рубеже XIX – XX вв.: региональные стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. – Вып. 2: сборник научных трудов. – Барнаул, 2008. – С. 193–204.
- Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Языковая адаптация славянских переселенцев в иноэтнической языковой среде Западной Сибири (конец XIX – конец XX вв.) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 53–71.
- Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 298 с.
- Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1996. – 254 с.
- Лукиева Е. Б. Национальные школы в Сибири в 1920 – начале 1930-х гг. // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 307–348.
- Любимова Г. В. Календарно-обрядовые комплексы русских старожилов и переселенцев Сибири: святочный цикл обычаев и обрядов // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 154–202.
- Макаревич А. А. Украинский компонент в этнокультурном образовании Томска // Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 21–24 ноября 2010 г., Томск. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 220–225.
- Материалы о работе отдела заключения актов гражданского состояния (определения о расторжении брака, выписки из метрических книг, карточки о родившихся и др.) // ГАТО. – Ф. Р. 528. – Оп. 1. – Д. 950. – 200 л.
- Мулина С. А. Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 358–367.
- Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
- Национальный состав и владение языками, гражданство населения Томской области: Статистический сборник с экономическим обзором. – Томск: Томскстат–Т., 2013. – 93 с.
- Национальный состав муниципальных образований Томской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Томск: [Б. и.], 2004. – 32 с.
- Национальный состав населения Томской области и процент лиц, говорящих на языке своей национальности. Статистический бюллетень за 1959 г. – Томск: [Б. и.], 1959. – 60 с.
- Островский Л. К. Польские крестьяне в Сибири (1890-е – 1930-е гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сборник материалов Межд. научной конференции (Иркутск, 11–15 сентября 2000 г.). – Иркутск: [Б. и.], 2001. – С. 122–124.
- Охолина Н. М. О диалектной основе «островного» белорусского говора на территории Томской области // Славяне и Сибирь. Сохранение культурного наследия: материалы научно-практического семинара (17 декабря 1998 г. Заозёрный архитектурно-художественный лицей). – Томск: [Б. и.], 1999. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ou.tsu.ru/school2/other/slavsib2/4.html> (Дата обращения: 10.11.2015)
- Паин Э. А. Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // Советская этнография. – 1987. – № 1. – С. 10–24.
- Полевые материалы автора. [Б. г.].
- Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. – Вып. XI. – Новосибирск, 1929. – 241 с.
- Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. – М., 1990. – Вып. 20. – С. 5–36.
- Токмь С. М. Динамика этнической самоидентификации населения Беларуси в XIX – начале XX вв. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=983> (Дата обращения: 5.11.2015)
- Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). – Ч. 1. – Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2004. – 190 с.
- Численность и национальный состав населения Томской области. Статистический сборник № 1 по данным Всесоюзных переписей 1970, 1979, 1989 гг. – Томск: [Б. и.], 1990. – 64 с.

Гончарова Т. А., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: gta.76@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2017

Goncharova T. A.

**THE PROBLEM OF PRESERVING MOTHER TONGUE BY ETHNODISPERSAL GROUPS
(EXEMPLIFIED BY SLAVIC DIASPORAS OF TOMSK REGION)**

The problem of native language preservation of Slavic diasporas in Tomsk region is considered. The factors determining the process of saving / loss the native language are revealed. The study showed that the Slavic diasporas have significantly lost their native languages in the first decades after resettlement to Siberia during the ethno-cultural adaptation. National languages support was provided by mononational settlements, national schools, religious life, influx of new migrants. Consequently, the absence of these factors narrowed the scope of communication in mother tongue greatly, which gradually led to its significant loss. Among the most studied diasporas the Poles shows the lowest level of natural language knowledge. In modern times the expected interest in learning mother tongue in ethnodispersal groups is not observed.

Key words: *Native Language, Diasporas, Byelorussians, Poles, Ukrainians, Tomsk region.*

References

- Abinova N. M. Iz opyta raboty Zaozernogo arkhitekturno-khudozhestvennogo litseya g. Tomska v prepodavanii pol'skogo yazyka [By experience of Zaozerny architectural and artistic lyceum of Tomsk in the teaching of Polish language]. *Sibirskaya Poloniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik materialov (statey i tezisov) – Siberian Polonia: Past, Present and Future. The collection of materials (articles and abstracts).* – Tomsk, 1999. – P. 176–178 (in Russian)
- Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheckie problemy SSSR i postsovetskogo [150 languages and politics. 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and post-Soviet]. – M.: Kraft+; Institute of Oriental Studies of RAS, 2000. – 224 p. (in Russian)
- Babuta M. N. Kul'turnaya deyatel'nost' ukrainsev v Tomskoy oblasti [The cultural activity of Ukrainians in the Tomsk region]. *Yazykovye i kul'turnye kontakty razlichnykh narodov – Language and cultural contacts of various peoples: a collection of articles of the International Scientific Conference.* – Penza: Privolzhskiy Dom znaniy, 2009. – P. 13–16 (in Russian)
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926. – T. VI: Sibirskiy kray, Buryat-Mongol'skaya ASSR. Otdel. 1 – [Census of 1926. – Vol. VI: Siberian region, the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. Department. 1]. – M.: Izdanie publication of CSO of the USSR, 1928. – 389 p.
- Govorova L. Pochemu tomskie belorusy ne sokhranili svoj yazyk? [Why Tomsk Belarusians have not kept their own language? Interview with N. M. Oholina, PhD, assistant professor of Tomsk State Pedagogical University]. *Navstrechu Pervomu mezhdunarodnomu festivalyu belorusskoy kul'tury «Radzima maya – Belarus'» – Towards the First International Festival of Belarusian Culture “My Motherland is Belarus”.* – Tomsk, 2007. – P. 15 (in Russian)
- Goncharova T. A. Belorusskiy yazyk v etnokul'turnom prostranstve Tomskoy oblasti [Belarusian language in the ethnocultural space of Tomsk region] // *Bialoruskie Zeszyty Historyczne.* – 2014. – Vol. 41. – P. 143–153 (in Russian)
- Guboglo M. N. Sovremennyye etnoiazykovyye protsessy v SSSR: osnovnyye faktory i tendentsii razvitiia natsionalno-russkogo dvuiazychiia [Modern ethno-lingual processes in USSR: the basic aspects and tendencies for development of Russian national bilingualism]. – M.: Nauka Publisher, 1984. – 288 p. (in Russian)
- Guzeeva A. V. Tomskaya Poloniya: sokhraneniye natsional'nykh traditsiy v obshchestvennoy, kul'turnoy zhizni, semye I obrazovanii: istoriya I sovremennost' [Tomsk Polonia: preservation of national traditions in social and cultural life, family and education: history and modernity] *Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri: materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* – Poles in Siberia. Poles of Siberia: Proceedings of the I International Scientific Conference (Tomsk, June 3–5, 2012). – Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical University, 2012. – P. 5–31. (in Russian)

- Kal'mina L. V. Konfessional'nye men'shinstva Sibiri na rubezhe XIX – XX vv.: regional'nye strategii vlasti [Faith minorities of Siberia in the XIX – XX centuries: regional strategies of authority]. *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX vv.* – Vol. 2: sbornik nauchnykh trudov – Modern historical Siberian Studies of XVII – early XX centuries. – Vol. 2: collection of scientific works. – Barnaul, 2008. – P. 193–204. (in Russian)
- Korovushkin D. G., Lotkin I. V., Smirnova T. B. Iazykovaia adaptatsiia slavianskih pereselentsev v inoetnicheskoi iazykovoii srede Zapadnoi Sibiri (konets XIX – konets XX veka) [Language adaptation of Slavic migrants in foreign-language environment in Western Siberia (end of XIXth – end of XXth century)] // *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviia narodov Sibiri* [Problems of interethnic interaction of the Siberian nations]. – Novosibirsk: Publishing Office of Institute of Archaeology and Ethnography Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 2002. – P. 53–71. (in Russian)
- Kutilova L. A., Nam I. V., Naumova N. I., Safonov V. A. Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii. Khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919 [Minorities of Tomsk province. Chronicle of social and cultural life. 1885–1919]. – Tomsk: TSU Publishing House, 1999. – 298 p. (in Russian)
- Lotkin I. V. Sovremennye etnicheskie protsessy u latyshei i estontsev Zapadnoi Sibiri [Modern ethnic processes of Latvians and Estonians of Western Siberia]. – M.: Institute of ethnology and anthropology, 1996. – 254 p. (in Russian)
- Lukieva E. B. Natsional'nye shkoly v Sibiri v 1920 – nachale 1930-kh gg. [National schools in Siberia in the 1920s – early 1930s]. *Natsional'no-kul'turnaya politika i praktika ee realizatsii v Sibirskom regione v pervoy treti XX v.* The national cultural policy and the practice of its implementation in the Siberian region in the first third of the twentieth century. – Novosibirsk: NSU, 2005. – P. 307–348 (in Russian)
- Lyubimova G. V. Kalendarno-obryadovye komplekсы russkikh starozhilov i pereselentsev Sibiri: svyatochnyy tsikl obychaev i obryadov [Calendar-ritual complexes of Russian immigrants and old-timers of Siberia: Yule cycle of customs and rites]. *Russkie starozhily i pereselentsy Sibiri v istoriko-etnograficheskikh issledovaniyakh* – Russian immigrants and old-timers of Siberia in historical and ethnographic studies. – Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, 2002. – P. 154–202 (in Russian)
- Makarevich A. A. Ukrainskiy komponent v etnokul'turnom obrazovanii Tomsk [Ukrainian ethno-cultural component in the education of Tomsk]. Dokument, muzeynyy eksponat, narrativ, pis'mennyy istochnik v kul'turnom transfere Sibir' – Ukraina: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem – Document, museum exhibit, narrative, written source in the cultural transfer Siberia – Ukraine: Materials of All-Russian Scientific Conference with international participation, November 21–24, 2010, Tomsk. – Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 2011. – P. 220–225 (in Russian)
- Materialy o rabote otdela zaklyucheniya aktov grazhdanskogo sostoyaniya (opredeleniya o rastorzhenii braka, vypiski iz metricheskikh knig, kartochki orodivshihysya I dr.) [The materials of the department of registration and civil status (certificates of a divorce, extracts from the registers of births, birth cards, etc.)] // Gosudarstvennyy arhiv Tomskoj oblasti. [Public Record Office of Tomsk region]. – Fond № 528. – List № 1. – Case № 950. – 200 pages (in Russian)
- Mulina S. A. Kollektivnye strategii adaptatsii polyakov v Sibiri [Collective Poles adaptation strategies in East Siberia]. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* – Russia: Migration and Diasporas in the Resettlement Community. The XIX – XX and XX – XXI centuries. – Irkutsk: Ottisk, 2011. – P. 358–367 (in Russian)
- Nam I. V. Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.) [National minorities of Siberia and the Far East at the historic crucial point (1917–1922)]. – Tomsk: Publishing house of Tomsk State Univ., 2009. (in Russian)
- Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Tomskoy oblasti: Statisticheskyy sbornik s ekonomicheskim obzorom [Ethnic composition and languages, the citizenship of the population of Tomsk region: Statistical Yearbook with the economic review]. – Tomsk: Tomskstat, 2013. – 93 p. (in Russian)
- Natsional'nyy sostav munitsipal'nykh obrazovaniy Tomskoy oblasti. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. [Ethnic composition of municipalities of Tomsk region. The results of the All-Russian population census of 2002]. – Tomsk, 2004. – 32 p. (in Russian)
- Natsional'nyy sostav naseleniya Tomskoy oblasti i protsent lits, govoryashchikh na yazyke svoey natsional'nosti. Statisticheskyy byulleten' za 1959 g. [National composition of the population of the Tomsk region and the percentage of people who speak language of their nationality. Statistical Bulletin for 1959]. – Tomsk, 1959. – 60 p. (in Russian)
- Ostrovskiy L. K. Pol'skie krest'yane v Sibiri (1890-e – 1930-e gg.) [Polish peasants in Siberia present (1890s – 1930s)]. *Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nye voprosy. Sbornik materialov mezhd. nauchnoy konferentsii* – Siberian-Polish history and the present: current issues. Collection of the materials. Scientific Conference (Irkutsk, 11–15 September 2000). – Irkutsk, 2001. – P. 122–124 (in Russian)

- Okholina N. M. O dialektnoy osnove «ostrovnogo» belorusskogo govora na territorii Tomskoy oblasti [About the dialect basis of the “island” Belarusian dialect in the Tomsk region]. *Slavyane i Sibir. Sokhranenie kul'turnogo naslediya: materialy nauchno-prakticheskogo seminara – Slavs and Siberia. Preservation of Cultural Heritage: Proceedings of the seminar (December 17, 1998 Zaozyorny Architecture and Art Lyceum).* – Tomsk, 1999. – [Electronic resource]. – URL: <http://ou.tsu.ru/school2/other/slavsib2/4.html> (Date of access: 10/11/2015) (in Russian)
- Pain E. A. Sistema territorial'nykh obshchnostey i ee rol' v formirovani i vosproizvodstve etnokul'turnykh traditsiy v usloviyakh urbanizatsii [The system of territorial communities and its role in the formation and reproduction of ethnic and cultural traditions in urbanization]. // *Sovetskaya etnografiya – Soviet Ethnography.* – 1987. – № 1. – P. 10–24 (in Russian)
- Field data of the author. [B. g.].
- Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya. Tomskiy okrug. – Vyp. XI – The list of residential areas of the Siberian region. Tomsk district. – Vol. XI. – Novosibirsk, 1929. – 241 p. (in Russian)
- Susokolov A. A. Strukturnye faktory samoorganizatsii etnosa [Structural factors of self-organization of the ethnic group]. *Rasy i narody – The Races and the Peoples.* – M., 1990. – Vol. 20. – P. 5–36 (in Russian)
- Tokm' S.M. Dinamika etnicheskoy samoidentifikatsii naseleniya Belarusi v XIX – nachale XX vv. – The dynamics of the ethnic identity of the population of Belarus in the XIX – early XX centuries. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=983> (Date of access: 5.11.2015) (in Russian)
- Fursova E. F., Vasekha L. I. Ocherki traditsionnoy kul'tury ukrainских pereselentsev Sibiri XIX – pervoy treti XX v. (po materialam Novosibirskoy oblasti) – The Sketches of Ukrainian immigrants traditional culture in Siberia of XIX – the first third of the XX century. (The case studies of Novosibirsk region). – Part 1. – Novosibirsk: Agro-Siberia, 2004. – 190 p. (in Russian)
- Chislennost' i natsional'nyy sostav naseleniya Tomskoy oblasti. Statisticheskiy sbornik № 1 po dannym Vsesoyuznykh perepisey 1970, 1979, 1989 g. – Number and national composition of the population of the Tomsk region. Statistical Yearbook # 1 according to the All-Union census in 1970, 1979, 1989. – Tomsk: [B. u.], 1990. – 64 p. (in Russian)

Goncharova T. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru